

**ЕВГЕНИЙ
ЛУКИН**

**ТРУЖЕНИКИ
ЗАЗЕРКАЛЯ**

ЗВЕЗДАНЫЙ

ЛАБИРИНТ

Евгений Юрьевич Лукин
Амёба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=140516

Содержание

ОДИН

4

Конец ознакомительного фрагмента.

37

Евгений Лукин

Амеба

Тот, кто сидел теперь напротив господина Голядкина, был – ужас господина Голядкина, был – стыд господина Голядкина, был – вчерашний кошмар господина Голядкина, одним словом, был сам господин Голядкин.

Ф. М. Достоевский, «Двойник»

ОДИН

Сиреневая чернильная резинка аккуратным кирпичиком лежала на исцарапанной крышке письменного стола, и Вавочка с удовольствием эту резинку созерцал, потому что была она новенькая, со стеклянными искрами и четкими нестертыми углами.

Налюбовался. Отложил сигарету на стальную линейку и принялся не торопясь, с чувством освобождать от обертки лезвие безопасной бритвы.

Предстоящая ему работа при всей кажущейся несложности предполагала однако огромное терпение и великолепный глазомер. Хищно прищурясь, Вавочка установил лезвие и начал медленно перепиливать резинку вдоль. Малейший перекосяк все бы испортил, но перекосяков он избежал. Резинка

была развалена на две абсолютно равные доли.

Довольный собой, потянулся к сигарете и обнаружил, что та успела обратиться на треть в цилиндрок серого пепла. Из чего их эти американцы делают? Из пороха, что ли? Бикфордов шнур, а не сигареты...

Одарив Соединенные Штаты презрительной усмешкой, Вавочка затянулся и поразмышлял, сложить ли ему теперь обе части резинки воедино или же перепиливать каждую в отдельности. Поколебавшись, остановился на втором варианте.

Перепилив, прикончил сигарету нежной затяжкой и раздавил огонек на стальной линейке.

В бывшем детском садике стучали молотки и визжали пилы. За окном, выглядывать в которое не хотелось, урчал принадлежащий Фонду грузовичок, потому что больше урчать было нечему. Тяжкое наследие советской власти. На борту его даже сохранился фрагмент агитки: «НЕ РАБОТАЙ БЕЗ...» Без чего-то там не работай.

Вавочку не тревожили. И лишь когда резинка расчленилась на шестнадцать сиреневых микрокирпичиков, в коридоре громко, как копыта по асфальту, зацокали каблуки. Вавочка усмехнулся и исполненным достоинства мановением руки набросил на плоды своего труда писчий лист. На листе косым летящим почерком шефа было начертано: «Ареал маркетинговых исследований охватывает...» Что именно он (она?) охватывает, шеф, убегая, не дописал. Как всегда.

Тук-тук.

– Не заперто, – сухо известил Вавочка.

Дверь приоткрылась, и в чуланчик заглянуло маленькое миловидное личико, обрамленное крупными чугунного литья завитками. В глазах – предсмертная тоска. Все-таки звери эти директора – нашли, кого назначить куратором!

– А что?.. Нет Сан Саныча?..

Вавочка выдержал секундную паузу. Делал он это мастерски. Глядел с укоризной в упор и отсчитывал про себя: «Раз, и...» – а потом уже отвечал.

– Отсутствует, – выговорил он, как клеймо поставил.

– А когда будет?.. – совсем уже умирая, спросило личико.

«Раз, и...»

– Завтра.

Личико страдальчески закатило глаза – и кануло. Вешать-ся пошла, не иначе... Вконец бабу затрахали. Во всех смыслах. А не будь такой пластилиновой! Всяк что хочет из тебя – то и лепит...

Вавочка хмыкнул и вернулся к прерванному занятию.

Месяца полтора назад (очень вовремя, кстати сказать) он встретил старого, круто пошедшего вверх приятеля, и тот, даже не поздоровавшись, с ходу предложил Вавочке место маркетолога в новорожденном инвестиционном Фонде. Тут

же выяснилось, что приятель (начальник управления рекламы и маркетинга) сгоряча раздул штат и вот теперь ему позарез нужно взять на работу девять человек хоть из-под земли. Вавочка, конечно, был не против, но насчет маркетинга все же рискнул уточнить. Слово-то он, конечно, слышал и не раз, но вот что оно означает...

Приятель, широкий, как ларек, встопорщил усы и сверкнул лихой цыганской улыбкой. В темных глазах его пела удаль.

– Главное, с супермаркетом не перепутай! – изрек он. – Посажу в чуланчике, чтобы никто его у нас не оттяпал: будешь сидеть и всем говорить, что я на телевидении... или еще где-нибудь. А там посмотрим.

Вавочка оторопел и согласился.

Новорожденный Фонд, только что въехавший в бывший детский садик, поразил его чисто армейским сочетанием железной дисциплины и полного бардака. С девяти утра до шести вечера Вавочка сидел в чуланчике у свежепрорубленного окна, слушал, как с треском отлипают от стен плохо приклеенные обои, и говорил всем, что шеф на телевидении. Ситуацию он для себя определил грубовато, но в целом правильно: А. Фонд намерен ободрать вкладчиков. Б. Шеф намерен ободрать Фонд. Но, во-первых: ободрать по-честному, в соответствии с существующим законодательством, то есть путем рекламной кампании. А во-вторых: поделиться с сотрудниками. С Вавочкой, например.

Все это было хорошо, но скучно, господа, скучно! Охрана выпускала из помещения только по увольнительной. Мысль о том, что шеф, надежно прикрытый Вавочкой, пьет сейчас водку с нужными людьми, увеличивая таким образом свои (а следовательно и Вавочкины) будущие прибыли, как-то не утешала. Слишком велик был моральный ущерб. Это что же: совет директоров в том крыле целыми днями шуршит в преферанс, а он, значит, будет смиренно сидеть в чуланчике и изображать примерного сотрудника? Ну нет! Вавочка молод, но главное он уже уяснил. Главное в этой жизни – чтобы никто тебя не лепил, как пластилин. Оглянуться не успеешь – такое вылепят... И ведь лепят уже, лепят всюю!..

И вот однажды затосковавший вконец маркетолог начал от скуки резать обломком бритвочки окаменевший ластик. Искромсал в мелкую крошку – и выбросил в корзину.

На следующий день пошел к коменданту и требовал с него две чернильные резинки. Одну приберег на завтра, а другую принципиально попытался разрезать на равные кубики. Получилось несуразное число – 241. Вероятно, Вавочка где-то ошибся, и некоторые кубики, подлежащие разрезанию, остались неразрезанными.

Для третьей он специально захватил из дому свежее лезвие в пакетике с непроизносимой иностранной надписью, и уже часам к четырем перед ним на исцарапанной крышке стола лежало 512 (пятьсот двенадцать) абсолютно одинаковых кирпичиков мироздания. На всякий случай он вычис-

лил с помощью калькулятора их должное количество. Получилось 512. Вот так вам!

А то – ишь придумали: целыми днями пули расписывают! А на стене у них плакат: «ХОДА НЕТ – ХОДИ С БУБЕЙ!» Между прочим, выведенный на лазерном принтере... Да ходите, с чего хотите, а дурака из Вавочки делать не надо! Он себе тоже развлечение найдет.

Пила и молоток в коридоре смолкли, и кто-то произнес почтительно, чуть ли не робко: «Сан Саныч?» Потом зашумели, заговорили, и Вавочке показалось, что он слышит голос шефа. Приехал, стало быть. С телевидения. Маркетолог озабоченно шмыгнул востреньким своим носиком – принюхался. Всем хорош Сан Саныч, только вот иногда курить бросает. Проветрить, проветрить надо чуланчик.

Вавочка приоткрыл дверь и, шелкнув ружейными затворами шпингалетов, растворил свежепрорубленное окно. Потом протер стальную линейку чистым листом, пристроился на краешке стола и стал ждать.

Теплый сквозняк и мягкий сумбур уличного шума заполнили помещение. Во дворе что-то с треском передвигали, а может, грузили. «Тарелками?» – с ужасом переспросил откуда-то из глубины коридора девичий голос. Снова зазвучала пила, но уже не в таком ударном темпе, как раньше.

Со стороны могло показаться, что Вавочка придремал на краешке стола. Но нет, он не дремал, он мыслил.

Дело в том, что старшая его сестра, резко свихнувшаяся на медитации и прочем астрале, уехала вчера на Дни радости. Уехала где-то так на недельку, и грех было этим не воспользоваться. Скажем, зазвать в гости Сан Саныча и Леню Антомина, а там уже втроем обговорить втихаря, кому через какую газету доить родимый Фонд. Рекламная-то кампания – на носу!..

Здесь Вавочка засомневался. Он вспомнил, что шеф – человек и впрямь широкий и, если уж идет к кому в гости, то скупает по дороге все спиртное, попадающее в поле зрения. Вспомнил заодно, что случилось с мебелью в квартире Лени Антомина после одного такого совещания, и решил, что нет, зазывать Сан Саныча в гости, пожалуй, не стоит. Убить сестра, конечно, не убьет (она вон и тараканов теперь бить запрещает!), а с квартиры выставит запросто. Вавочка-то не прописан.

Осень перетасовала сквозняки – ознобом и дрожью дунуло из растворенного окна. Вавочка передернул плечами, открыл глаза, и востроносое его личико стало вдруг озабоченным.

Несколько дней назад шеф предложил ему скупить на пару хилую фирму с красивым названием «Афедрон» и даже подсказал, у кого занять нужную сумму. Вавочка, конечно, тут же согласился, пошел куда сказано, а у самого подь-

езда взял вдруг и оробел. Чувствует: знобит вроде. Как сейчас. И предположения разные в голову лезут: а если... а вдруг... Минут сорок, наверное, стоял во дворе возле скамеечек, курил в тоске, смотрел на двери подъезда. Так и вернулся. Эх...

Вавочка расстроен. Он закрывает окно, защелкивает оба шпингалета и, видя, что Сан Саныч на этот раз что-то не торопится заглянуть в чуланчик, решает найти шефа сам. Вдруг еще не поздно переиграть насчет «Афедрона»!

Молоток и пила звучат особенно бодро, и это наводит на мысль, что начальство обретается где-то поблизости. Коридор выводит Вавочку в светлый зал, разгороженный деревянными каркасами будущих переборок. Так и есть. За работой двух старичков-строителей с напряженным вниманием наблюдает чуть ли не весь совет директоров. На лицах – тягостное сомнение: а нужно ли все это? Может, пока не поздно, поделить навар – да врассыпную?..

Отцы-основатели. Высоченные молодые парни в безукоризненных темных костюмах и при галстуках. Кровь с молоком – прямо хоть на племя. Малорослый Вавочка смотрит на них с некоторой завистью: и откуда такие здоровые берутся!.. Впрочем, Вавочка знает, откуда. Вон тот, пошире и постарше других, в прошлом замполит полка. Рядом его

младший брат – бывший комсорг цеха. А вон те двое – вообще из обкома комсомола... И горькое чувство отмененной классовой ненависти овладевает на секунду Вавочкой. За что боролись? За что под танки падали?

Переступая через привинченные болтами к полу четырехгранные брусья, Вавочка минует приоткрытую дверь управляющего Фондом – тоже весьма представительного юноши, которому, по слухам, сидеть потом за тех, что толпятся сейчас возле трудолюбивых старичков.

Судя по безукоризненной вежливости, управляющий говорит по телефону с держательницей акций.

– Льготы наследникам? – переспрашивает он. – В случае вашей смерти? Ну, во-первых, вам надо будет представить... Вы записываете? Свидетельство о смерти...

Где-то на первом этаже взвизгивает электродрель. Фонд растет, изменяется, пускает корешки и выбрасывает побеги. Отделы дробятся, сливаются, переезжают, становятся независимыми и снова просят под крышу. Черт ногу сломит! Налоговое управление – тоже.

Одни лишь реклама с маркетингом затаились, как пауки, в двух своих чуланчиках и, никуда не переезжая, вынашивают планы обвального этапа рекламной кампании.

Перед дверью с плакатиком «ТИШЕ! РАБОТАЮТ ЛЮ-

ДИ!» Вавочка малость помешкал. Щелкала машинка. Кто бы это там мог щелкать? Леня так быстро не умеет. Значит, либо шеф, либо этот... новенький. Новенького Вавочка сильно не любил. Было за что.

Наконец потянул дверную ручку, треск машинки оборвался – и надо бы прикрыть дверь, да поздно: они уже увидели его и узнали, зеленоватые насмешливые глаза, вечно лишающие Вавочку душевного равновесия.

Пришлось войти. Сквозняк сложил синеватый пласт дыма пополам и вышвырнул в форточку, а по стенам зашевелились, зашуршали образцы рекламной продукции. «Если хотите на первое место, мчитесь за акцией «Росхристинвеста»! Очередной поединок начался.

Поединки, поединки. Что ни разговор – поединок. Вы поймите: деньги для Вавочки не главное. Главное для Вавочки что? Личностью быть! Чтобы из тебя, как из пластилина, никто ничего не лепил. А деньги... Деньги – средство.

Вавочка прикрыл за собой дверь и небрежной походкой прошествовал к одинокому стулу под ало-золотым музейным вымпелом «Победителю социалистического соревнования». Поддернул, язвя изяществом, брюки. Сел. Задача была довольно сложна: выяснить насчет шефа и попутно показать этому выскочке, что в грош его Вавочка не ставит.

– А, маркЕтант... – приветливо сказал новичок. Опять склонился над машинкой, потом вдруг замер на секунду и в радостном ошеломлении уставился на Вавочку.

– Батюшка Кураж ты наш! – выговорил он, как всегда, какую-то лютую дурь. Затем потерял к маркетологу интерес и вновь принялся дробить по клавишам.

Вавочка оскорбился. Встал. Закурил. Испепеляюще поглядывая на склоненную макушку, прошелся по комнате от плакатика «НЕ КУРИТЬ!» (возле вымпела) до плакатика «МЕСТО ДЛЯ КУРЕНИЯ» (над столом). Потом обратно.

– Р-романтика стяжательства! – торжественно возгласил новичок. С этими загадочными словами он выдернул лист, отодвинул машинку и уставился на Вавочку. Маркетолог ответил ему тем же. «Ну образованный ты, – нарочито лениво мыслил Вавочка, глядя в ехидные зеленые глаза. – Ну слов до фига выучил. А все же вот Сан Саныч меня в долю звал, а тебя, небось, не позовет...»

– Так, стало быть, осиротели мы, Вава?

Маркетолог обиделся. «Кому Вава, а кому Владимир Васильевич!» – хотел уже отрезать он и вдруг запнулся. Осиротели?

– Ба! – сказал новичок. – Да ты еще, оказывается, ничего не слышал?.. Насчет «Афедрона»!..

Тут его внезапно одолел приступ дурацкого и, на Вавочкин взгляд, совершенно неприличного смеха.

– Хотел бы я знать, какой козел им подкинул название! Влезть в «Афедрон»! Бли-ин... – Новичок отсмеялся и продолжил: – Ну ладно. Что Сан Саныч на пару с Леней перекупил фирму – это ты знаешь. Так вот, позавчера обмывают

они, стало быть, приобретение, дым коромыслом – и на тебе! Являются.

– Кто? – еле слышно спросил Вавочка.

– Ну, натурально, теневики. На фирме-то, оказывается, долг висел! Но обрати внимание: на прежнего хозяина не наезжали ни разу – надо полагать, он им и на фиг был не нужен... Причем все культурно: никаких утигогов, никаких паяльников, с бухгалтером приехали. Сан Саныч за телефон – телефон отрезан. «Ладно, – говорит, – волки позорные, чего надо?» Короче, пришлось ему, по слухам, кое-что подписать. Ушли теневики. Гасит Сан Саныч с горя еще один стакан коньяка, выглядывает в окошко, а там гости дорогие в машину садятся. И тут ему, видать, обидно стало. Хватает он стопку тарелок из серванта – и с шестого этажа по теневикам! Одну за другой! Те залегли сначала, а потом смотрят – тарелки. Обиделись, вернулись, начистили Сан Санычу рыло и увезли. Так что, Вава, мы тут с тобой дурака валяем, а шеф с Леной вторые сутки в теневой экономике сидят...

В ушах недвижимого Вавочки стоял ликующе-скорбный вопль. Он глушил все. Губы новичка шевелились, но звука не было.

Ты мудрый, Вавочка! Как вовремя ты остановился перед тем подъездом! Это мало кому дано: остановиться вовремя!.. Теневики – тарелками? С шестого этажа? И долг на фирме! Интересно, какой?..

Из вопля вышел шеф – головастый, взъерошенный, широ-

кий, как ларек. Поигрывая дорогой фарфоровой тарелкой, встопорщил усы, сверкнул диковатым цыганским оскалом и сообщил доверительно:

– Ты, главное, за меня держись. Со мной не пропадешь.

Сообщив, исчез. Вавочка снова стоял в отделе рекламы, рассматриваемый зелеными сочувственно-насмешливыми глазами.

– И что теперь? – Кажется, это спросил он, Вавочка.

– Теперь мне тащить все это, как я понимаю, на своем горбу. – Новичок брезгливо шевельнул пальцем пару отбитых на машинке листов. – Кстати, и тебе тоже...

Уже на подходе к чуланчику Вавочка вспомнил, что забыл его запереть, и ускорил шаг. Открыл дверь – и замер в проеме. На краешке письменного стола сидел бочком огромный представительный юноша в темном венгерском костюме и с отчаянием разглядывал левую ладонь, словно пытался определить по линиям руки свою дальнейшую судьбу. И Вавочка с неслышимым миру стоном понял, что на большой розовой ладони управляющего Фондом лежат сиреневые микрокирпичики, на которые он расчленил сегодня резинку.

– Что это? – глухо спросил управляющий, поднимая на Вавочку совершенно ошалелый взор.

Вавочка был пришиблен последними новостями и со-

ображал туго.

– Для маркетинговых исследований, – выдавил он наконец.

Управляющий снова уставился на ладонь. Казалось, еще минута – и он сойдет с ума.

Вавочка беспомощно пошевелил руками.

– Сан Саныч-то, – сказал он, жалко кривя рот. – А?

Управляющий побагровел.

– Дурак твой Сан Саныч, – рывкнул он и бросил упругие сиреневые крупинки на стол. – Тарелками по ракетирам – это ж додуматься надо!..

Крупинки подпрыгнули, разлетелись, некоторые упали на пол. Вавочка с управляющим подобрали их и снова положили на место.

– В общем, так, – сказал управляющий, распрямляясь во весь свой внушительный рост. – Принимай отдел маркетинга, а этот ваш новенький... Как его, кстати, по отчеству?

Вавочка смущенно пожал плечами. Честно говоря, он и по имени-то его не знал.

– Ладно, завтра в отделе кадров выясним... Так вот его бросим на рекламу. Костюм есть?

– Есть, – сказал Вавочка.

– С завтрашнего дня на работу только в костюме и с галстуком.

Вынесенный оползнем событий из бывшего детского садика, ныне украшенного с торца готической надписью «Рос-христинвесть», новорожденный начальник отдела маркетинга стоял и остолбенело смотрел, как грузятся в подержанные иномарки члены совета директоров. Больше троих в машину не помещалось. Поверх костюмов с безукоризненной родословной все как один понапялили черные кожаные куртки. Комиссары, блин. Бела кость. И хоть бы портфельчик у кого в руках, хоть папочка...

Портфельчик теперь (пока, правда, воображаемый) в руках у самого Вавочки, и нужно еще обмозговать, хорошо это или плохо.

Сбоку от плоского бетонного крылечка, не обращая внимания ни на остолбеневшего рядом Вавочку, ни на грузящихся в машины директоров, сидел на корточках и равнодушно курил «мальборо» начальник охраны. Над ремешком правого шлепанца отчетливо синела татуировка: «ПОСТОЙ КОНВОЙ».

Затуманенным взором Вавочка проводил отъезжающую кавалькаду и побрел к распахнутым решетчатым воротцам. С мыслями ему удалось собраться лишь на проспекте.

Шли пыльные троллейбусы, по скверикам тянуло сухим дымом, невидимый огонь выгрызал черные дыры в лиственных пригорках, чиркали метлы.

Вот тебе и Сан Саныч... Вот тебе и Сан Саныч... Вот тебе и «Афедрон»...

Сознание прояснилось окончательно, и Вавочка даже остановился. Из него же куклу слепить хотели! А он не дался! Ай да Вавочка!.. Нет, но какое чутье, господа, какое чутье! Ведь на веревке его шеф тянул в этот самый «Афедрон»... А портфельчик не повредит. Портфельчик ему сейчас в самый раз. Рекламная кампания на мази, и, стало быть, пойдут комиссионные уже не Сан Санычу, а Вавочке. Теперь с новичком... С новичком вражду прекратить. Новичок теперь человек полезный: слов много знает и вообще... Главное – что? Главное – директорам мозги запудрить всякими там ареалами. Чтобы красиво и непонятно...

– А я люблю военных, – шалым девичьим голосом грянул вдруг незаметно подкравшийся киоск звукозаписи, – красивых, здоровенных!..

Вавочка не военный, не красивый, да и здоровенным его назвать язык не повернется, так что шансов у него вроде бы маловато. Но песенка не кончилась, господа, песенка не кончилась!

– Еще люблю крутых, – заходится лихая певичка, – и всяких деловых!

Поколебавшись, Вавочка относит себя к деловым, и на душе у него теплеет.

А что, не деловой, что ли? Раз-два – и начальник отдела!

«А я люблю военных...» Он начинает негромко подпевать, но грохочущий киоск удаляется, и напрочь лишенный слуха Вавочка вскоре незаметно переходит на мотив «В траве сидел кузнечик...»

«Представьте себе, представьте себе, красивых, здоровенных... Представьте себе, представьте себе...»

Впереди идут два казака. У одного нагайка на поясе, у другого – за голенищем. Тот, у которого она за голенищем, личность известная. Это старый казак Гербовников из Вавочкиного подъезда.

– Обнаглели! – отрывисто говорит старый казак. – Мало нам армяшек, так еще и эти завелись... нудисты. Голыми по городу, а?

– Ничо, – примирительно гудит второй. – По голой заднице звончей выходит...

Чтобы не портить себе настроения, Вавочка сворачивает в тихую асфальтовую улочку.

«Представьте себе, представьте себе, и всяких деловых...»

На обочине сидят пацаны с тряпками и ведрами – ждут клиента.

– Машину помыть? – летит в спину Вавочке насмешливое предложение, и тот оскорбленно выпрямляет позвоночник. Вымоешь, вымоешь еще Вавочкину машину. И куртку почи-стишь. Кожаную. Черную.

«Представьте себе, представьте себе...» Вавочка вновь останавливается. Так ведь у него еще и сестра уехала! На семь дней! Вы подумайте: семь теплых, осенних, слегка запыленных дней...

Вавочка мурлычет, жмурится, подходит к телефону-автомату, отводит полуоторванную дверцу, опускает жетон.

– Люсю можно?

– Не знаю, не пробовал.

– Бип-бип-бип-бип...

Кажется, ошибся номером. Постепенно до него доходит вся непристойность услышанного. Какое, однако, хамство! Это надо запомнить и при случае употребить.

Второго жетона нет. Ну ничего, приобретем на проспекте. А вот куда непременно нужно зайти – так это в «Посошок». Деловой он или не деловой?

«Посошок» – полуподвальчик. С полукруглыми витражными окнами, цветным готическим полумраком, колодезной прохладой, бормочущей музыкой. А также с брусничкой моченой, икоркой всяческой, воблой-чехонью-балычком. Из-

винуясь, с раками. Но, главное, конечно, с пивом. Разливным. Только что с завода. Наценка, правда, страшная, но за-всегдаев это не пугает. Потому что завсегдаи «Посошка» – люди солидные. В кожаных куртках.

Бывает, конечно, что забредет туда какой-нибудь лох с улицы, но ужаснется по-быстренькому ценам – и исчезнет. И правильно сделает.

Была однажды в «Посошке» и перестрелка, правда, без жертв. И все. Больше здесь перестрелок не предвидится. Не звенеть витражам, не визжать судомойкам. Потому что сидят за массивными столиками и со вкусом разбирают по деталькам сушеную рыбицу не только те, которые с бицепсами да со стволами, но и те, которые с головой. Крутые – есть, деловые – есть, а вот военных (красивых-здоровенных) нет и не надо.

Ну вот и уводящие вниз ступени. Вавочка с тревогой оглядывает свой наряд. Под скромного бизнесмена он, пожалуй, прокатит. Раньше ему приходилось бывать здесь лишь с Сан Санычем да с Леней, и теперь Вавочка очень надеется, что успел примелькаться в интимном цветном полумраке. В крайнем случае (если в «Посошке» тесновато) он выпьет кружку прямо у стойки, но с таким видом, будто просто не хочет садиться (населся за день!), да и время поджимает...

Ну что ж, назад дороги нет. Он – шеф и наследник шефа. Только вот морда радостной быть не должна. И Вавочка, спускаясь по ступенькам, предается вполне богоугодным

мыслям о попавших в беду компаньонах. С лицом озабоченным и немного скорбным он подходит к стойке и оглядывает полуподвальчик.

Ну вот смотри теперь, высматривай: где он, Сан Саныч?.. Нет Сан Саныча... Сидит Сан Саныч в теневой экономике... А где Леня Антомин?..

Да вот же он, Леня-то, рядом стоит, у стойки. И ноги-то у него кривоватые, и морда небритая, и глаза смотрят, как будто проснулся только что Леня и снова заснуть собирается.

– Лень...

Леня немножко повернул голову и немножко глаза. Увидев Вавочку, развернулся полностью и даже чуть приподнял брови, причем вид у него вышел такой, точно встряхнет сейчас Леня буйной головой, проснется окончательно и побегит в туалет умываться – бросать воду громадными горстями в глаза и на волосатую грудь за ворот рубашки. Рывкая, разумеется.

Длилось это впечатление от Лени момент, не больше. Никуда он, конечно, не побежал, скорчил ту же физиономию, какую носил ежедневно и, выразив таким образом отрицательное отношение к действительности, отозвался со скрипом:

– Накололся, блин. Пришел в «Ободок», думаю – пиво. Ухо тебе, а не пиво.

История его была проста. Честно проводив Сан Саныча до машины и уяснив, что сам он рэкетиров не интересуется

нисколько, Леня повернулся и пошел пить пиво. Чем и занимался по сей день.

– А спросят, куда делся, что сказать?

– Скажи: от теневиков прячусь.

Что ж, это мудро. Директора поймут. Даже посочувствуют. Сами, что ли, ни разу не прятались?

– Сейчас, – говорит Леня, высмотрев кого-то в нише под витражным окном. – Ты упади где-нибудь, а я сейчас.

Упасть? Вавочка еще раз оглядывает полуподвальчик. Публики в «Посошке» немного. И он скромно выбирает пустующий столик за колонной.

Выходит, комиссионные теперь придется делить на троих... Ладно. Телевидение и «Городские ведомости» Вавочка попробует взять себе, а уж всякое там «Собачье дело» (общество защиты животных), «Набат» (патриоты) и прочее – это Лене с новичком. Кроме того, не вечно же сидеть шефу в теневой экономике! Стало быть, денежку надо ковать не мешкая...

– Во блин! – лениво произнесли у него за спиной. – А что это наш столик заняли?

Вавочка обмер и сделал вид, что ничего не слышит. Не дай бог – ему... Нет, не может быть. Он же выбрал столик за колонной! Самый неудобный столик во всем «Посошке»!..

Ножку массивного табурета, на котором он сидел, легонько пнули, и Вавочка внутренне содрогнулся.

– Не понял, – скрипнул он очень похоже под Лению Анто-

мина.

«Раз, и...» Медленно, со скукой обернулся. Сердчишко колотилось и прыгало. В интимном цветном сумраке глазам его предстали два молодых человека -бугристых от мышц, с одинаково торчащими, оббитыми в многочисленных драках ушами. Шестерки. И явно бесхозные. И явно принимают Вавочку за лоха с улицы. Где же Леня?!

– Уступи место дяденькам, – ласково посоветовал тот, что чуть пониже.

Вавочка сделал над собой усилие и отвернулся.

– Тупой? – холодно осведомились сзади.

С соседних столиков на них уже оглядывались с интересом. Смотрят, как двое шестерок будут лепить Вавочку, вроде пластилина. Сейчас ведь сгонят! Конец всему: конец репутации, конец карьере... Надо что-то сказать.

– Не понял, – скрипнул Вавочка под Леню Антомина и тут же сообразил с досадой, что он это уже скрипел.

– Сейчас поймешь, – пообещали сзади.

Собрав остатки мужества, он опять обернулся и изо всех сил скучаяще поглядел в глаза сначала одному, потом другому. Но это уже была агония.

– Посторонись, – непонятно откуда раздалось хриловато и равнодушно произнесенное слово.

Шестерок раздвинуло слегка, и между ними возник из прохладного полумрака Леня Антомин. И Вавочка с восторгом осознал, что оба его скрипа «не понял», оба его скуча-

ющих взгляда и вообще вся его монументальность в этой стычке выглядели со стороны очень даже впечатляюще. Под кого же это он сейчас невзначай прокатил в «Посошке»? Неужто под крутого?

– По паре пива для начала, – сказал, усаживаясь, Леня Антомин выплывшему из сумерек официанту. На остолбеневших у столика шестерок он внимания так вроде бы и не обратил.

– Не, ну... – нерешительно напомнил о своем существовании тот, что повыше. – Всегда, блин, за этим столиком сидели...

Говоря, он зачарованно смотрел на лапы и грудную клетку Лени, наводящие на мысль о ломающихся силомерах, разрываемом голыми руками листовом железе, – и сознавал уже в полной мере свою ошибку...

Леня одарил его невыразительным взглядом через плечо, и пластилиновые шестерки, для приличия ворча и пожимая обложенными жирком плечами, направились к свободному столику. Леня вопросительно посмотрел на Вавочку. А тот, спокойный, исполненный достоинства, лишь пренебрежительно шевельнул в ответ бровью. Так, дескать, ерунда...

«Представьте себе, представьте себе...»

На стол с гулким звуком опустились четыре полные круж-

ки, и мрачное лицо Лени Антомина смягчилось и просветлело.

Поразительный он все-таки человек! Ленив, небрит, глаза сонные. Но опасен с виду – сил нет. Все почему-то думают, что Леня бывший десантник: Афган прошел, пол-Тбилиси изрубил саперной лопаткой... А он и оружия-то в руках не держал – служил в стройбате. А накачанный такой, потому что железо в цехе ворочал, пока не уволили.

Случай был: закупил Фонд компьютеры, а везти поездом. Из Москвы. Вот и гадали, кого из охраны послать, – гробанут ведь по дороге за милую душу! А Леня только-только на работу устроился. Зашел управляющий в отдел рекламы, глянул – и аж содрогнулся.

– Вот он! – кричит. – Он с компьютерами поедет!..

И в Леню пальцем тычет.

Ничего, довез...

Директора ему на полном серьезе предлагали начальником охраны идти. Отказался. Таковую рожу соорил: хлебнул, дескать, кровушки, хватит... Они его после этого еще больше зауважали.

Мурлычет, шепчет музыка, не мешая застольным беседам. По-английски, зараза, шепчет. Вплетаются в нее негромкие чисто русские слова:

- Проплата...
- Предоплата...
- Черный нал...

И вот уже зашумело, повело плавненько, словно к ушам по раковине приставили. Равный среди равных сидит Вавочка за столиком в «Посошке», прихлебывает свежее только что с завода пиво, держит ухо остро, вслушивается в обрывки разговоров:

– Один к шести? Это вчера было один к шести...

– А не подпишет – я ему задницу на британский флаг порежу...

– Тарелками?..

Не оборачиваясь, Вавочка чувствует, как неподалеку на них снова начинают посматривать с интересом. Потом за столик без спроса садится некто с выправкой и в ладной, словно пригнанной джинсе. Светлые глаза смотрят дерзко и весело.

– Ну что там Санек? – интересуется подсевший.

– Держат пока, – нехотя отвечает Леня.

Краем глаза Вавочка видит изумленные лица шестерок за соседним столиком. Кто же это такой к ним подсел? Неужели Порох? «Морду, морду поравнодушней!..» – напоминает себе Вавочка.

– Да, насмешил, – говорит светлоглазый. – И чего его понесло в этот «Афедрон»!

– Он и меня в долю звал, – небрежно, в тон ему роняет

Вавочка.

Следует быстрый оценивающий взгляд. Однако морда у Вавочки – безупречна. Да, вот так. Хотел Сан Саныч вылепить из него, что понравится, но, как выяснилось, не на того нарвался...

– А насчет тарелок – правда, что ли?

Леня вздыхает, отхлебывает и, наверное, уже в сотый раз за последние два дня принимается рассказывать, как пытался оттащить пьяного шефа от серванта и как его самого, сунув ствол в ребра, довели до машины, но она уже оказалась переполненной.

– Насмешил, – без улыбки повторяет подсевший (предположительно, Порох). – Рекламная кампания тоже, значит, накрылась?

– Нет, – говорит Вавочка. – Не накрылась.

Теперь уже не только светлоглазый, но и Леня Антомин пристально всматриваются в его утомленное значительное лицо. Словно видят впервые.

Огромное, как перед концом света, солнце повисело в слоистой лиловой дымке – и кануло. На город с восточных окраин покотился первым валом наводнения прозрачный фиолетовый сумрак.

Вавочка был счастлив. Шел и вспоминал с удовольстви-

ем, как круто обошелся он с шестерками в «Посошке» и как беседовал на равных с самим Порохом... То ли еще будет, господа, то ли еще будет!

Вздогнули, затлели сиреневым, налились ярко-белым несомкнутые стропила света над асфальтами все еще Советского района. Ах, город! Только вечером понимаешь, насколько он огромен, этот живой фосфоресцирующий планктон.

В голове Вавочки победно шумело. Завтра он зазовет в гости Леню с новичком и попробует взять власть в свои руки. А сейчас он придет домой, сверит номер и позвонит Люське. Незачем хате пустовать.

Ну вот и Александровская (бывшая улица Желябова), вот он, внутренний дворик – колодец, пробивший пятиэтажку до асфальтового дна, вот и подъезд с нашатырным запахом кошачьей мочи. Вавочка хлопнул дверью, поднялся на второй этаж; неторопливо, ощущая себя хозяином недели, квартиры, положения, провернул ключ в замке, вошел.

Молочная матовая лампочка обозначила перед ним коридорчик с вешалкой и с тремя дверьми: направо пойдешь – в санузел попадешь, прямо – в кухню, но туда в другой раз, а сейчас ему налево – в большую, почти квадратную комнату, которой суждено быть определенное время его владением.

Комната встретила его трепещущим полусветом неисправного дворового фонаря и слабым ароматом буддистских курительных палочек. Люстру Вавочка включил не сра-

зу – стоял в полумраке и с наслаждением перебирал все сегодняшние поединки. Мелкие наскоки типа «Машину помыть?» в счет не идут – еще с пацанами он не связывался! А в остальном... Всем, кому мог, дал отпор. Так-то, господа! Вавочка – не пластилин, из Вавочки вы хрен что слепите!..

Он протянул руку и щелкнул выключателем. М-да... Салфеточки кругом кружевные, на низенькой тумбочке – толстая розовая свеча в фарфоровом подсвечнике, тут же душе-спасительная книжица малого формата, молитвенный (или какой там у них?) коврик – и вечные назидания, вечные проповеди: мяса не ешь, не спекулируй, подумай о душе, переселишься потом в дождевого червя – лопатой разрежут... На иконке – изумленный Христос. Смотрит на противоположную стену. А там – веером цветные фотографии: старенький гуру Шри Чинмой во всех видах. На самой здоровенной – коричневато-розовые пятки Учителя... Тьфу, дура! Как партию разогнали – так и свихнулась.

Вавочка задернул шторы и, не разуваясь, с наслаждением грохнулся на аккуратно застеленную кровать. Свесив кроссовки, долго лежал на спине и мыслил, созерцая потолок. Так звонить Люське или не звонить? Зевнул и решил: а ну ее к черту! Завтра. Светлое янтарное пиво, приятно горча, так и ходило перед глазами. Из принципа разобрал постель на кровати, а не на диване, где каждую ночь провисал до полу за бумажной ширмочкой. Потом выключил свет – и лег. Сны намечались приятные и, возможно, эротические.

Сновидение пришло странное и недоброе. В черной пустоте перед Вавочкой висела новенькая чернильная резинка размером с небольшой чемодан (вероятно, вынырнула из сегодняшнего утра). Потом она принялась медленно разламываться на равные кирпичики; те, в свою очередь, тоже начали разламываться; и продлись это в таком темпе хоть минуту, перед удивленным Вавочкой неминуемо возникло бы розоватое облачко, слабо хранящее чемоданные очертания. Но казалось, кто-то все время отматывал пленку назад: распад застыл, не прекращая движения, он бесконечно повторял сам себя. Резинка разламывалась, разламывалась, и никак не могла разломиться окончательно. И висела она уже, кстати, не в пустоте – она висела в его комнате, а он, Вавочка, стоял перед этим безобразным явлением и ждал с тоской, когда оно кончится.

Потом появились Люська и управляющий Фондом. Вавочка испугался и, чтобы отвлечь управляющего, о чем-то его спросил. Управляющий что-то ответил, и Вавочка, не давая опомниться, задал ему еще какой-то вопрос, а сам тем временем старался оттереть плечом, заслонить, отодвинуть куда-нибудь...

Но Люська заметила.

– А это еще что за хренотень?

Вавочка принял недоуменный вид. Он, собственно говоря, совершенно здесь ни при чем. Черт его знает, что это такое. Висит тут, и кто его поймет, откуда взялось! Он сам в первый раз видит. Пришел, а оно – висит.

Сейчас он это уберет. Вавочка стягивает с кровати плед, набрасывает его на резинку, как сеть на воздушный шар, и тянет вниз, но резинка прорывает плед по центру. Дыры в пледе почему-то нет.

– Гляди не рассыпь! – недовольно говорит управляющий. – Это для маркетинговых исследований.

Вавочка бросается на резинку, обхватывает ее пледом, закутывает, увлекает вниз, но резинка вывертывается и вновь всплывает. На помощь ему приходят управляющий Фондом и откуда-то взявшийся Сан Саныч, а Люська куда-то исчезает. Втроем они придавливают упругую живую тварь матрасом, уминают и запихивают в какую-то дверцу. Дверца Вавочке не знакома. Не было у них в комнате такой дверцы. Он задвигает ружейный затвор шпингалета и оглядывается.

Так он и знал! В дальнем углу, удобно, как в кресле, сидит и смотрит на них бессмысленными младенческими глазами старенький Учитель Шри Чинмой. Вот это влипши! Надо как-то выкручиваться... Собственно говоря, ведь ничего такого, ведь правда? Вот это управляющий, а это Сан Саныч... Но Сан Саныч вдруг отсмаркивает напрочь усы, изменяется до неузнаваемости (это уже и не Сан Саныч вовсе, а шестерка из «Посошка») и, изобразив на лице что-то гаденькое,

прячется в Вавочку. Управляющий растерянно улыбается и тоже прячется в Вавочку. Тот возмущен. Его подставили! Он не намерен отвечать за них за всех! Какой «Афедрон»? Он не имеет отношения к «Афедрону»! Вавочка корчится, пытается вытолкнуть из себя этих ловкачей, чтобы все поняли, что не он один, что еще были, только спрятались, сейчас он их выпихнет, вот увидите!..

Да нет же никакого Шри Чинмоя, и угла, в котором он сидел, как в кресле, тоже нет! Пустота, немая вата, серый кошмар бесконечно рвется вокруг на клочки, а Вавочка все корчится, выталкивает, выпихивает... Есть! Выпихнул! Тело – как сплошная ссадина с присохшим бинтом, и вдруг сорвали бинт, обожгло мгновенной болью, врезаются в кожу рвущиеся с треском плавки...

Вавочка слетает с кровати, падает на пол, сидит, широко раскрыв глаза и дрожа всем телом. Кажется, это уже не сон. Под голыми ягодицами гладкие крашенные доски пола. Стоп! Почему он голый? Вавочка проводит рукой по бедру, и волосы его, наэлектризованные страхом, шевелятся – он нащупал обрывок материи. Это порванные плавки. Сон кончился, но не кончился ужас. Теперь Вавочке начинает мерещиться, что звук от его падения на пол был каким-то двойным, что некий призывок раздался и по другую сторону кровати. Возникает

жуткое ощущение зеркальности: Вавочке кажется, что вот сейчас там, по ту сторону, кто-то со страшной, поразительной точностью повторяет его движения. Вот он точно так же поднимается с пола, отступает к противоположной стене... Вавочке кажется даже, что он слышит шаги – такое же шлепанье пары босых подошв. Больше это вынести невозможно, и Вавочку отшвыривает, и он мягко впечатывается лопатками в стену, и понимает, что удачно вlepился между трюмо и торшером. И здесь напротив, у двери, раздается грохот чего-то падающего. Вавочка кричит... Нет, он еще не кричит. Брось, ну не надо, не надо, ну, подумашь, перевернул кресло, а тот мягкий удар напротив, возле трюмо, тебе только почудился, сейчас, подожди, пошарь по стене, возле косяка выключатель, пойми: это сон, это отзвук сна, сейчас ты включишь свет и поймешь, что все в порядке, что все в порядке, что все...

Вавочка находит кисточку торшера и рвет ее вниз, он рвет ее вниз и надеется, надеется, готовит уже облегченный выдох, он уже начинает облегченный выдох, но выдох срывается, переходит в крик: это страшно, это невозможно, не надо этого! Напротив, опираясь на перевернутое кресло, голый человек с искаженным лицом шарит рукой по косяку. Это не зеркало! Никакой надежды, что это зеркало! Тот, напротив, не просто повторяет его движения, он повторяет его мысль – включить свет, и Вавочка кричит, с ужасом понимая, что тот, напротив, тоже кричит, и надо замолчать: стены толстые,

но крик слишком громок, но не кричать нельзя, потому что это страшно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.